

Фомин Алексей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин, Северо-Западный
филиал Российского государственного
университета правосудия имени
В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург),
197046, г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5,
email: fominpenza@mail.ru

Fomin, Aleksey A.,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of State
and Legal Disciplines, North-West Branch
of Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev
(the city of Saint Petersburg),
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg,
197046, Russian Federation,
email: fominpenza@mail.ru

КРИЗИСЫ И КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

CRISES AND CRISIS SITUATIONS AS AN OBJECT OF LEGAL INFLUENCE: CONCEPT, CHARACTERISTICS AND PRINCIPLES OF REGULATION

АННОТАЦИЯ. Современная Россия находится в фазе глобальных и региональных политических, экономических, межконфессиональных, экологических, техногенных кризисов. Кризисы и кризисные ситуации оказывают существенное влияние на соотношение индивидуальных и публичных интересов, преодоление их негативных последствий предполагает расширение пределов государственно-правового воздействия, приводит к структурным и компетенционным изменениям в организации и функционировании системы органов публичной власти. Между тем кризисные ситуации относятся к числу малоисследованных категорий в отечественной правовой доктрине. Как следствие, в законодательстве отсутствуют универсальные критерии и определения кризисных ситуаций, меры их локализации и предупреждения расплывчаты, в текстах нормативных правовых актов используется несогласованная терминология, отсутствуют унифицированные принципы правового регулирования кризисных ситуаций.

В контексте исследования кризисов и кризисных ситуаций как объекта правового регулирования в статье обосновывается идея о том, что кризисные ситуации являются закономерными феноменами общественного и государственного развития, исследуются особенности правовой природы кризисных ситуаций, их характерные черты, принципы и элементы механизма предупреждения и преодоления кризисов и кризисных ситуаций,

ABSTRACT. Modern Russia is in a phase of global and regional political, economic, interfaith, environmental, and man-made crises. Crises and crisis situations have a significant impact on the relationship between individual and public interests, overcoming their negative consequences involves expanding the limits of state and legal influence, and lead to structural and competency-based changes in the organization and functioning of the system of public authorities. As a result, legislation lacks universal criteria and definitions of crisis situations, measures for their localization and prevention are vague, inconsistent terminology is used in the texts of regulatory legal acts, and there are no unified principles for the legal regulation of crisis situations.

In the context of the study of crises and crisis situations as an object of legal regulation, the article substantiates the idea that crisis situations are natural phenomena of social and state development, examines the features of the legal nature of crisis situations, their characteristic features, principles and elements of the mechanism for preventing and overcoming of crises and crisis situations, and makes proposals for formalizing criteria at the legislative level, and indicators of the crisis situation, the grounds for classifying crisis situations in regulatory legal acts are clarified. Special attention is paid to identifying the interdependence between the realization of citizens' rights and freedoms and the qualitative legal regulation of crisis situations.

вносятся предложения по формализации на законодательном уровне критериев и показателей кризисной ситуации, уточняются основания классификации кризисных ситуаций в нормативных правовых актах. Особое внимание уделяется выявлению взаимозависимости между реализацией прав и свобод граждан и качественным правовым регулированием кризисных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризисные ситуации, правовое регулирование, права и свободы граждан, эффективность права, принципы права

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Фомин, А. А. Кризисы и кризисные ситуации как объект правового воздействия: понятие, признаки и принципы регулирования / А. А. Фомин. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 34–43. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-5

Кризисы и кризисные ситуации, несмотря на их очевидную значимость в силу перманентного присутствия в общественной жизни, тем не менее относятся к числу малоисследованных феноменов в рамках юридической науки. Кризисные ситуации, отражая нестабильность и изменчивость развития природы и общества, свойственны сложным организованным системам любой природы (техническим, биологическим, экологическим, социальным), влекут изменения в организации и функционировании в том числе и государственно-правовой сферы общественных отношений. Между тем без исследования детерминант, сущности, государственно-правовых механизмов предупреждения и преодоления негативных последствий кризисных ситуаций невозможно обеспечить эффективность правового регулирования и публичного управления в современном мире, который объективно находится в фазе глобальных и региональных политических, экономических, межконфессиональных, экологических и т. п. кризисов.

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о том, всякая ли негативного свойства нестабильность (изменчивость) может быть отнесена к категории «кризиса»? «Стабильность» и «изменчивость» являются парными категориями, в социальной философии характеризующими диалектический процесс существования и функционирования структуры (внутренней организации) общественно-политического организма в целом и его отдельных

KEYWORDS: crisis situations, legal regulation, citizens' rights and freedoms, effectiveness of law, principles of law

FOR CITATION:

Fomin, A. A. (2026) Crises and Crisis Situations as an Object of Legal Influence: Concept, Characteristics and Principles of Regulation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 34–43 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-5

частей и компонентов. Перефразируя один из законов гегелевской диалектики, мы можем говорить о том, что «существующая стабильность» постепенно накапливает противоречия и в какой-то момент происходит «разрыв», изменение имеющегося положения, которое может быть как положительным, так и отрицательным, причем само по себе изменение впоследствии «накапливает» некоторые стабилизационные элементы и формирует «новую стабильность». Нестабильность – ординарное, не чрезвычайное свойство современной динамичной, быстро изменяющейся общественной и государственной жизни.

Возникает и вопрос о том, любые ли кризисные изменения могут быть отнесены именно к негативным, ведь в кризисе, своего рода «болезни» государства и общества, скрыты и зерна их «выздоровления». Интересно в этой связи то обстоятельство, что этимологически слово «кризис» происходит от греческого понятия *krisis*, обозначающего решение, поворотный момент, перелом, исход, то есть древние изначально принимали на себя ответственность за собственные решения и понимали кризис как способ действия в конкретной обстановке, что, кстати, характерно и для современного понимания кризиса в экономике и науках об управлении [15, с. 105–107, 353–356; 27, с. 326–327; 32, с. 582–583]. Тем не менее в настоящее время в энциклопедических, толковых, философских словарях наибольшее распространение получило иное понимание кризиса, позволяющее

рассматривать его как: 1) резкое изменение, потрясение, перелом [16, с. 320], 2) затруднение в движении в позитивном направлении [28, с. 402], 3) перемены в общественной жизни негативного свойства [26, с. 302], 4) напряженность [2, с. 220], 5) совокупность негативных тенденций (явлений) [29, с. 421].

«Кризис» и «кризисная ситуация» рассматриваются в настоящей статье как синонимы и характеризуются следующими основными чертами, разграничивающими, с одной стороны, ординарные (стабильные, безопасные) и, с другой стороны, кризисные (чрезвычайные, экстраординарные) ситуации, что является необходимой теоретической основой для формирования эффективного механизма правового регулирования в условиях кризисных явлений политического, экономического, природно-техногенного и иного характера, преодоления дестабилизации общественного порядка, обеспечения безопасности прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства. Кризисная ситуация представляет собой внезапно возникшую обстановку, характеризующуюся такими свойствами, как: неопределенность, остроконфликтность, значительные социально-экономические и политические последствия, создающую реальную или потенциальную угрозу для территориальной целостности, суверенитета и основ конституционного строя государства, безопасной жизнедеятельности граждан, препятствующую нормальному функционированию государственных и общественных институтов, требующую задействования в правовой политике чрезвычайных (исключительных) средств государственного управления [30, с. 11–17].

Среди официальных документов, в которых широко употребляются понятия «кризис» и «кризисная ситуация», выделяются ежегодные послания Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (п. «е» ст. 84 Конституции РФ). Например, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. упоминается миграционный кризис [17], в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. [22] – глобальный кризис, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. [21] –

демографический и ценностный (глобальный) кризис, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. [20] – финансовый кризис, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти – порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» [18] – кризис неплатежей, бюджетный кризис и кризис пенсионной системы. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» [19] термин «кризис» использовался более 25 раз. Правовая природа посланий Президента РФ Федеральному Собранию – предмет дискуссий в юридической доктрине. Однозначно можно утверждать, что исходя из текста Конституции (ст. 90), послания не относятся к числу нормативных правовых актов главы государства и не обладают юридической силой. В то же время очевидно значение послания Президента в качестве политического и программного документа, адресованного законодательным, исполнительно-распорядительным и даже судебным органам публичной власти и их должностным лицам. С позиций политического веса роль посланий Президента для законотворчества и правоприменения в стране трудно переоценить. Поэтому не эпизодическое, а систематическое употребление терминов «кризис» и «кризисная ситуация» в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию означает их введение в правовую лексику и нормативно-правовую материю для последующего использования в текстах законодательных, подзаконных и правоприменительных актов.

К сожалению, в законодательстве отсутствуют универсальные, общепринятые критерии и формулировки определения кризисных ситуаций, меры их локализации и предупреждения расплывчаты, в текстах законов используется несогласованная терминология, имеются разночтения. В одних и тех же или близких значениях, причем без четкого их разграничения, употребляются такие дефиниции как: «чрезвычайная ситуация», «угроза безопасности», «чрезвычайное положение», «бедствие», «стихийное бедствие», «авария», «вооруженное нападение», «угроза вооруженного нападения»,

«военное время», «состояние войны», «чрезвычайная экологическая ситуация», «зона экологического бедствия», «угроза интересам Российской Федерации на государственной границе», «угроза незаконного пересечения государственной границы», «режим контртеррористической операции» и др. [5, с. 274–275; 6, с. 9; 14; 33, с. 36–37]. Хотя названные термины описывают кризисные ситуации с помощью разноуровневых и различных по сути признаков [7, с. 74]. Затронутая проблема носит не только академический характер. От того, какие конкретно ситуации признаются кризисными, в какой мере изучены причины и механизм их возникновения, во многом зависит принятие правильных решений по своевременному предотвращению и максимальному сокращению риска возникновения кризисных ситуаций, эффективной ликвидации их последствий.

Полноценное внедрение понятий «кризис» и «кризисная ситуация» в оборот юридической терминологии – задача далекой перспективы. Сегодня законодательство не содержит определения кризисной ситуации, видимо, ввиду многогранности содержания данного понятия, отсутствия у него «четких границ», позволяющих формализовать указанную конструкцию. Законодатель использует термины, так или иначе характеризующие кризис и кризисную ситуацию, в рамках уже формально-определенных правовых режимов [13]. Речь идет о правовом режиме чрезвычайной ситуации и иных предусмотренных законом чрезвычайных (особых, специальных, исключительных) правовых режимах, направленных на предотвращение той или иной конкретной угрозы, снижение (минимизацию) рисков неблагоприятных последствий ввиду такой угрозы, устранение неблагоприятных последствий какого-либо происшествия. Этимологически «кризис», «чрезвычайность», «особое состояние или ситуация», «экстренность», «экстраординарность», «исключительность» близки. Например, согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 26.11.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [23] чрезвычайная ситуация представляет собой обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления,

катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Общественные отношения, являющиеся объектом правового регулирования, должны характеризоваться повторяемостью событий и действий (кризисы и кризисные ситуации могут быть вызваны и теми и другими: стихийное бедствие, техногенная авария, попытка захвата власти и т. п.), должны быть устойчивыми и типичными. Отсюда в контексте исследования кризисов и кризисных ситуаций как объекта правового регулирования требуется выяснить: является ли кризисная ситуация закономерностью, подлежащей нормативному правовому урегулированию, или же нет. Случайность, казуистичность, спорадический характер кризисов, как минимум, существенно осложняет выявление и последующую формализацию в нормативных правовых актах квалифицирующих признаков кризисных ситуаций.

Закономерность, в том числе и государственно-правовая закономерность, представляет собой однотипность, регулярность, повторяемость процессов и явлений. На первый взгляд, кризисам свойственны прямо противоположные черты: многообразие кризисных ситуаций характерны непохожесть и нетипичность. Здесь хотелось бы привести цепь рассуждений Ю. Ю. Ветютнева, внесшего значительный вклад в исследование теории государственно-правовых закономерностей, позволяющих нам отнести к таким закономерностям и кризисные ситуации. По мнению Ю. Ю. Ветютнева, наличие в сфере государства и права закономерно повторяющихся фактов и явлений связано с тем, что субъекты социального общения, попадая в схожие условия, поступают в соответствии со своими интересами. Поэтому закономерным будет то, что определяется социальными интересами. Но поскольку интересы членов общества разнородны и зачастую противоречивы, то они вызывают к жизни «противоречивые закономерности», в чем отражается идея нелинейности социального развития [3, с. 73–74]. Думается, эти «противоречивые закономерности», о которых пишет Ю. Ю. Ветютнев, при определенных условиях

и выступают в качестве кризисных ситуаций. Заслуживает внимание в контексте кризисных (чрезвычайных, исключительных) ситуаций и еще одно замечание Ю. Ю. Ветютнева о том, что каждый факт социальной жизни является, в известном смысле, закономерным (детерминирующим), случайностью же будет сочетание таких фактов, иными словами, случайное, с одной точки зрения, непременно будет закономерным, с другой [3, с. 94]. То есть кризисные ситуации в обществе не случайны, а закономерны, тогда как их конкретные характеристики уже обусловлены случайными факторами. Таким образом, и с позиций теории закономерностей создание нормативного правового механизма преодоления кризиса или его минимизации (в том числе, в свете обеспечения реализации гражданами прав и свобод в условиях кризиса) является объективно значимым и востребованным.

Без отражения в законодательстве дефиниций «кризис» и «кризисная ситуация» возникает достаточно много спорных вопросов относительно особенностей правовой природы кризисной ситуации, ее свойств и элементов, имеет место правовая неопределенность при применении законодательства, регламентирующего предупреждение и преодоление последствий кризисных ситуаций. Без соответствующего правового регулирования нет ясности и определенности с тем, кто именно и каким образом решает вопрос о том, находится ли государство (его конкретная территория, отрасль государственного управления и т. п.) в условиях кризисной ситуации или же нет, какими именно критериями должны руководствоваться уполномоченные должностные лица и органы власти, признавая ту или иную ситуацию кризисной. С точки зрения этимологии критерий (от др.-греч. «способность различения, средство суждения, мерило») представляет собой отличительный признак, на основании которого проводятся оценка, определение или классификация чего-либо. То есть критерии, в первую очередь, должны позволять определить, имеет ли место кризисная ситуация в реальной действительности. При наличии всего круга необходимых и достаточных критериев у уполномоченных на то Конституцией РФ и законом органов государственной власти и должностных лиц возникают обязанности перед об-

ществом и его членами, включая установление специальных правовых режимов, принятие мер по преодолению кризисной ситуации и ее последствий, минимизации причиненного кризисом вреда и т. д. Вместе с тем такого рода критерии и показатели однозначно не сформированы даже на уровне юридической доктрины. Без предварительной терминологической проработки решение задачи формализации в законе критериев и показателей кризисной ситуации невозможно. Сложившаяся правоприменительная практика, к сожалению, крайне скудна. Например, наличие форс-мажорных обстоятельств в экономике суд устанавливает с учетом заключения Торгово-промышленной палаты [11, с. 78–94]. Однако такие случаи (когда хотя бы приблизительно известны орган или учреждение, определяющие ситуацию как кризисную) редкость.

Законодательство указывает лишь те органы власти и должностных лиц, которые уполномочены на введение того или иного специального режима, его продление, одобрение (утверждение), отмену и прочие аналогичные действия, осуществляемые в условиях неоднозначности, неясности и противоречивости регулирования кризисных ситуаций. При отсутствии правовой определенности в толковании кризисных ситуаций мы не можем установить, когда именно у органов власти и должностных лиц возникает обязанность ввести предусмотренный законодательством специальный режим и в какой мере (какие имеющие общественное значение ограничения допустимо использовать, какие чрезвычайные меры, направленные на преодоление кризисной ситуации, будут осуществляться, в какие сроки и т. п.). Затруднительно (иногда – попросту невозможно) доказательное обжалование акта, на основании которого введен специальный режим. В частности, суды проверяют такие обстоятельства, как: были ли у органа власти или должностного лица, вводящего соответствующий специальный режим, на то полномочия, опубликовано ли в установленный законом срок решение о введении специального правового режима и другие формальные моменты, не обсуждая суть вопроса: правомерно ли признание ситуации кризисной, что, как следствие, неминуемо повлечет недействительность (ничтожность) решения о введении специального правового режима

[31]. Здесь не менее важен и обратный аспект: когда ситуация кризисная, но орган власти или должностное лицо не использует специальный правовой режим. Такое бездействие власти не только сложно признать неправомерным ввиду отсутствия четких оснований признания ситуации кризисной, но и создает «благоприятную почву» для возникновения конфликта между государством и обществом. Наглядный пример – события 2020 г. в связи с пандемией коронавируса до установления в законодательстве режима повышенной готовности [12, с. 32–34].

Особое практическое значение правовое регулирование кризисных ситуациях представляет в контексте реализации прав и свобод граждан. В условиях кризисной ситуации государство формирует для граждан особый порядок реализации ими своих прав и свобод, заключающийся в регламентации адекватного возникшим угрозам баланса интересов между государством, обществом и личностью, своего рода «общественного договора», заключаемого только в части и на время кризисной ситуации [8, с. 105–108; 9, с. 245]. Существовавший до кризиса порядок реализации гражданами своих прав и свобод не позволяет государству результативно и оптимально выполнять стоящие перед ним задачи. Государство вынуждено использовать временное приостановление реализации гражданами своих прав и свобод, их ограничение ввиду очевидности и значимости возникших угроз, причем угроз и для самой личности. В кризисной ситуации государство информировано о 1) характеристиках конкретной возникшей угрозы (ее локализации, скорости распространения, значимости и т. п. – в зависимости от вида и типа угрозы) и 2) о вероятности реализации этой угрозы в реальной действительности. Кроме того, ограничительный посыл государства не персонифицирован, а распространяется на широкий, чаще всего, неопределенный круг лиц. Изменяются не сами права и свободы, их сущностные и иные характеристики, а лишь пути их реализации. Согласно ч. 2 ст. 55 Конституции «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Ограничения прав и свобод личности в условиях кризисной ситуации должны в полной мере соответствовать пространственно-временным, содержательным

и прочим характеристикам самой кризисной ситуации, не предполагать излишних или, напротив, недостаточных ограничений. Кризисная ситуация (кризис) выступает особого рода юридическим фактом установления особого правового режима [1].

Кризисные ситуации в государстве и обществе крайне разнообразны, их единый перечень или список отсутствует, только часть из них в самом минимальном виде формализована в виде оснований для введения особых (специальных) правовых режимов. Осложняет классификацию кризисных ситуаций момент их «комплексности», т. е. конкретная кризисная ситуация сочетает в себе элементы и (или) имеющиеся угрозы различного порядка и характера, например, военные и техногенные. Причем ввиду процесса глобализации, усложнения социальной и экономической жизни такого рода «комплексность» кризисной ситуации наблюдается все чаще и чаще.

Иногда, хотя и достаточно редко, в законодательстве прямо установлены классификации отдельных разновидностей кризисных ситуаций. Так, в п. 1 Постановления Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 (в ред. от 27.03.2025) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [25] предлагается деление чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на чрезвычайные ситуации локального, муниципального, межмуниципального, регионального, межрегионального и федерального характера в зависимости от следующих факторов: 1) зоны распространения чрезвычайной ситуации, 2) минимального и максимального количества людей, жизни и (или) здоровью которых причинен ущерб, и 3) минимального и максимального размера причиненного чрезвычайной ситуацией материального ущерба.

По нашему мнению, с некоторыми оговорками такая классификация возможна в отношении любых кризисных ситуаций, а не только чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. При этом следует согласиться с позицией И. Е. Ильичева о том, что предложенная в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 классификация чрезвычайных ситуаций излишне формальна, учитывает лишь три критерия и не может без соответствующей дора-

ботки стать универсальной для кризисных ситуаций других видов [10], что, кстати, повлекло дальнейшую нормативную разработку стандартов определения видов самой чрезвычайной ситуации [4]. О каких оговорках, дополнениях, терминологических уточнениях идет речь?

В частности, пространственный критерий (локализация зоны чрезвычайной ситуации) явно предусмотрен с учетом законодательного определения государственной территории, с одной стороны, и излишне привязан к федеративному и административному делению Российской Федерации, с другой. Даже в отношении природных кризисных ситуаций его применение затруднительно в ситуации критического загрязнения территориальных (не внутренних) морей Российской Федерации, может быть неоднозначно воспринят, когда речь идет об экологическом кризисе того или иного речного объекта, где учитывается весь бассейн соответствующей реки. При формулировке пространственного критерия ничего не сказано и об экстерриториальных катастрофах – катастрофах вне территории Российской Федерации, вроде арктической или антарктической дрейфующей станции, происшествий в нейтральных водах с участием морских судов или газонефтедобывающей инфраструктуры, на космических объектах и т. п. С точки зрения международного права экстерриториальный принцип (от лат. *ex* – «из, вне» и *territoralis* – «относящийся к данной территории») – распространение нормативных актов правотворческого органа за пределы территории его юрисдикции. Однако в рамки предложенных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 локаций подобного рода кризисные ситуации не укладываются и требуют уточнения.

Критерий ущерба от кризисных ситуаций не сводим только к физическому или материальному вреду, существует еще и вред моральный, причем коллективный (народам, проживающим на соответствующей территории). Наличие прямого материального ущерба также нельзя признать достаточным, и здесь следует исходить из понятия так называемого «экономического ущерба», учитывающего любые альтернативные негативы, причем не только «классическую» упущенную выгоду, но и, например, потерю доли на рынке. Такая доля

может быть потеряна не просто юридическим лицом, пусть и с государственным участием, а, при значительной монополизации соответствующего вида экономической деятельности, самим российским государством в виде, к примеру, доли на международном рынке нефти или алмазов, европейском рынке газа и т. п. Нельзя забывать и о том, что у российского общества и российского государства есть и репутационные риски, лишь частично выражающиеся в материальной (денежной) форме и требующие другого измерения.

В ст. 3 Федерального конституционно-го закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» [24] представлена классификация кризисных ситуаций, угрожающих жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и являющихся обстоятельствами введения режима чрезвычайного положения. Здесь содержатся две группы кризисных ситуаций: 1) связанные со стремлением к незаконному захвату власти или иному вооруженному насилию и 2) возникшие в результате действия природных или техногенных факторов.

В отношении обстоятельств первой группы мы видим указание законодателя на то, что такие обстоятельства станут основаниями для объявления чрезвычайного положения лишь в ситуациях, когда они сопровождаются насильственными действиями, причем такие действия создают непосредственную угрозу, во-первых, жизни и безопасности граждан, и, во-вторых, обычной (нормальной – в терминах закона) деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. К первой группе таких ситуаций относятся следующие обстоятельства: попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты.

Вторая группа чрезвычайных обстоятельств предполагает три вида кризисных ситуаций: 1) чрезвычайные ситуации природного характера, 2) чрезвычайные ситуации техногенного

характера и 3) чрезвычайные экологические ситуации. При этом законодатель не ограничивается перечислением кризисных ситуаций, конкретизируя примеры их возможных проявлений (эпидемии и эпизоотии), детерминанты кризисных ситуаций (аварии, опасные природные явления, катастрофы, стихийные бедствия и др.), условия признания их чрезвычайными обстоятельствами с точки зрения возможного (реального) ущерба и объективной необходимости деятельности по преодолению их негативных последствий (человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения).

Анализ развития кризисных ситуаций в России, их причин и последствий, официальных оценок и извлеченных уроков свидетельствует, к сожалению, об отсутствии реальных гарантий, которые могли бы предотвратить новые всплески дестабилизации и кризиса в стране (вооруженные конфликты, террористические акты, массовые беспорядки, природные и техногенные катастрофы и др.). Налицо широкий комплекс предпосылок социально-экономического, политического, экологического, международного, военного и т. п. характера, обуславливающих необходимость дальнейшего исследования кризисов и кризисных ситуаций как объектов правового воздействия, их отличительных особенностей и принципов регулирования.

Список использованных источников

1. Артамонова Г. К., Тураходжаев Т. Б. Юридическая ответственность при наступлении чрезвычайных ситуаций в градостроительной деятельности в дореволюционной России // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. 2011. № 3 (12). С. 5–11.
2. Большой психологический словарь / [Авдеева Н. Н. и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009.
3. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию): монография / под ред. А. Я. Рыженкова. Элиста: Джангар, 2006. 201 с.
4. ГОСТ Р 22.0.02-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.09.2016 № 1111-ст). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139176> (дата обращения: 15.01.2026).

5. Громов М. А. О понятии «чрезвычайные правовые режимы», их виды и характеризующие признаки // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 274–275.

6. Жаворонкова Н. Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 53 с.

7. Засыпкин И. В. Об использовании терминов, определяющих кризисные ситуации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2015. № 4. С. 74–76.

8. Захарихина А. А. Ограничение прав личности в условиях кризиса: этимологический и исторический аспекты // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: экономика и право. 2023. № 9. С. 105–108.

9. Захарихина А. А. Принципы обеспечения конституционных прав и свобод в чрезвычайных условиях // *Власть закона*. 2023. № 4. С. 245–254.

10. Ильичев И. Е. О понятии и классификации чрезвычайных ситуаций // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2020. № 1. С. 6–19.

11. Кислухина И. А. Методы государственного регулирования кризисных ситуаций в экономике // *Вестник Московского университета*. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. № 3. С. 78–94.

12. Коновалов А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 7. С. 32–34.

13. Максуров А. А. Полномочия Президента Российской Федерации в условиях специальных режимов (военного и чрезвычайного положения) // *Военное право*. 2022. № 4 (74). С. 18–23.

14. Мелехин А. В. Особые правовые режимы Российской Федерации: монография. М.: Маркет ДС, 2005. 192 с.

15. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: классическое издание. М.; СПб.: Диалектика, 2020. 665 с.

16. Новый словарь иностранных слов / гл. ред. В. В. Адамчик. М.: АСТ, 2009.

17. Парламентская газета. 2016. 2–8 декабря. № 45.

18. Российская газета. 1997. 7 марта. № 47.

19. Российская газета. 1999. 31 марта. № 60.

20. Российская газета. 2011. 23 декабря. № 290.

21. Российская газета. 2012. 13 декабря. № 287.

22. Российская газета. 2013. 13 декабря. № 282.

23. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

24. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.

25. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 22. Ст. 2640.

26. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. 4-е изд. М.: Академический проект, 2020.

27. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: учебник для вузов / пер. с англ. под ред. Л. Г. Зайцева, М. И. Соколовой. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 2017. 576 с.

28. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М.: Политиздат, 1975.

29. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2007.

30. Фомин А. А. Конституционно-правовые основы реализации мер безопасности в условиях кризисных ситуаций // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 11–17.

31. Фомин А. А., Захарихина А. А. Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 1. С. 98–106.

32. Хейне П., Боуттке П. Дж., Причитко Д. Л. Экономический образ мышления. М.; СПб.: Диалектика, 2019. 528 с.

33. Хохрин С. А. Формирование понятия кризисной ситуации применительно к уголовно-исполнительной системе // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Вып. 3 (66). С. 35–47.

References

1. Artamonova G. K., Turakhodzhaev T. B. Legal liability in case of emergency situations in urban planning activities in pre-revolutionary Russia. *Law. Safety. Emergency Situations*. 2011. No. 3 (12). P. 5–11 [in Russ.].

2. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. (Ed.). Big psychological dictionary. 4th ed. Moscow; Saint Petersburg: AST; Praim-Evroznak, 2009 [in Russ.].

3. Vetyutnev Yu. Yu. State-legal regularities (introduction to theory): monograph. Ryzhenkov A. Ya. (Ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 201 p. [in Russ.].

4. GOST R 22.0.02-2016. National Standard of the Russian Federation. Safety in emergency situations. Terms and definitions (approved by Order of Rosstandart No. 1111-st dated 12.09.2016). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200139176> (date of access: 15.01.2026) [in Russ.].

5. Gromov M. A. On the concept of “extraordinary legal regimes”, their types and characteristic features. *Black Holes in Russian Legislation*. 2008. No. 2. P. 274–275 [in Russ.].

6. Zhavoronkova N. G. Environmental and legal problems of safety provision in natural and technogenic emergencies. Abstract of Dr. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 2007. 53 p. [in Russ.].

7. Zasytkin I. V. On the use of terms defining crisis situations. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 4. P. 74–76 [in Russ.].

8. Zakharikhina A. A. Restriction of individual rights under crisis conditions: etymological and historical aspects. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*.

Series: Economics and Law. 2023. No. 9. P. 105–108 [in Russ.].

9. Zakharikhina A. A. Principles of ensuring constitutional rights and freedoms under emergency conditions. *Power of Law*. 2023. No. 4. P. 245–254 [in Russ.].

10. Ilyichev I. E. On the concept and classification of emergency situations. *Problems of Law Enforcement Activity*. 2020. No. 1. P. 6–19 [in Russ.].

11. Kislukhina I. A. Methods of state regulation of crisis situations in the economy. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2009. No. 3. P. 78–94 [in Russ.].

12. Kononov A. M. Were the high alert regime and subsequent restrictions of rights and freedoms legally introduced in the constituent entities of the Russian Federation? *State Power and Local Self-Government*. 2020. No. 7. P. 32–34 [in Russ.].

13. Maksurov A. A. Powers of the President of the Russian Federation under special regimes (martial law and state of emergency). *Military Law*. 2022. No. 4 (74). P. 18–23 [in Russ.].

14. Melekhin A. V. Special legal regimes of the Russian Federation: monograph. Moscow: Market DS, 2005. 192 p. [in Russ.].

15. Mescon M. H., Albert M., Khedouri F. Management: classical edition. Moscow; Saint Petersburg: Dialektika, 2020. 665 p. [in Russ.].

16. Adamchik V. V. (Ed.). New dictionary of foreign words. Moscow: AST, 2009 [in Russ.].

17. Parliamentary Newspaper. 2016. December 2–8. No. 45 [in Russ.].

18. Rossiyskaya Gazeta. 1997. March 7. No. 47 [in Russ.].

19. Rossiyskaya Gazeta. 1999. March 31. No. 60 [in Russ.].

20. Rossiyskaya Gazeta. 2011. December 23. No. 290 [in Russ.].

21. Rossiyskaya Gazeta. 2012. December 13. No. 287 [in Russ.].

22. Rossiyskaya Gazeta. 2013. December 13. No. 282 [in Russ.].

23. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. Art. 3648 [in Russ.].

24. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2277 [in Russ.].

25. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 22. Art. 2640 [in Russ.].

26. Kemerov V. E., Kerimov T. Kh. (Ed.). Modern philosophical dictionary. 4th ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2020 [in Russ.].

27. Thompson A. A., Strickland A. J. Strategic management: concepts and cases. Moscow: Banki i Birzhi; UNITI, 2017. 576 p. [in Russ.].

28. Rozental M. M. (Ed.). Philosophical dictionary. 3rd ed. Moscow: Politizdat, 1975 [in Russ.].

29. Gubskii E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. (Ed.). Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: INFRA-M, 2007 [in Russ.].

30. Fomin A. A. Constitutional and legal foundations for implementing security measures under crisis conditions. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. No. 5. P. 11–17 [in Russ.].

31. *Fomin A. A., Zakharikhina A. A.* Admissibility of restriction of constitutional rights and freedoms under crisis conditions: concept and grounds. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.* 2024. Vol. 49. No. 1. P. 98–106 [in Russ.].

32. *Heyne P., Boettke P. J., Prychitko D. L.* The economic way of thinking. Moscow; Saint Petersburg: Dialektika, 2019. 528 p. [in Russ.].

33. *Khokhrin S. A.* Formation of the concept of a crisis situation in relation to the penal system. *Bulletin of Yugra State University.* 2022. Issue 3 (66). P. 35–47 [in Russ.].

Поступила в редакцию 27.01.2026

Received January 27, 2026